

Алексей Масалов

«Способ почувствовать себя живой»:

ГЕРМЕНЕВТИКА СУБЪЕКТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ
АВТОФИКШНЕ 2000–2020-х ГОДОВ

Alexey Masalov

«A Way to Feel Alive»: The Hermeneutics of the Subject in Russian-Language Autofiction
of the 2000s–2020s

Алексей Масалов

Российский государственный гуманитарный университет, доцент кафедры теоретической и исторической поэтики, кандидат филологических наук
uchkuduk202@gmail.com.

Alexey Masalov

PhD; Associate Professor, Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities
uchkuduk202@gmail.com.

Ключевые слова: субъект, автофикшн, дискурс, Мишель Фуко, Джорджо Агамбен, пост-концептуализм, прямое высказывание, авторский жест, травма

Keywords: subject, autofiction, discourse, Michel Foucault, Giorgio Agamben, post-conceptualism, authorial gesture, trauma

УДК: 82.0+82-1+82-3+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_288

UDC: 82.0+82-1+82-3+821.161.1

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_288

В рамках статьи будет проведена попытка обосновать гипотезу о том, что автофикшн — попытка выбраться из дискурсивного кризиса субъекта. Если, по Мишель Фуко, субъект есть лишь совокупность дискурсивных практик и властных диспозиций (эту проблему поднимает большая часть постмодернистского искусства), то автофикшн, рождаясь в недрах постмодерна, работает иначе. Взяв за основание концепцию автора как жеста Джорджо Агамбена, который говорит, что субъективация (в частности — авторская) возникает, когда субъект, сталкиваясь с диспозициями, ставит свою жизнь и судьбу «на карту», автор статьи попробует описать этот жест в автофикшне при его частом сопряжении с травматическим опытом и аффектами страха, стыда, боли. Иными словами, теоретической основой статьи послужат концепции Мишеля Фуко и Джорджо Агамбена с целью выявить (пост)постмодернистскую субъективность автофикшна в целом и в частности на примерах русскоязычной автофикциональной поэзии и прозы 2000–2020-х годов.

This article will attempt to substantiate the hypothesis that autofiction is an attempt to escape from the discursive crisis of the subject. If, according to Michel Foucault, the subject is only a set of discursive practices and power dispositions (this problem is raised by most postmodern art), then autofiction, being born in the depths of postmodernity, works differently. Taking as a basis the concept of the author as gesture in the work of Giorgio Agamben, who claims that subjectivation (in particular, authorial subjectivation) occurs when the subject, faced with dispositions puts his life and fate “on the line”, the author of the article will try to describe this gesture in autofiction in its frequent conjugation with traumatic experiences and affects of fear, shame, pain. In other words, the theoretical basis of the article will be the concepts of Michel Foucault and Giorgio Agamben in order to reveal the (post)postmodern subjectivity of autofiction in general and in particular on the basis of examples from Russian-language autofictional poetry and prose of the 2000s–2020s.

1. Проблема субъекта в XX веке и дискурсивная обусловленность

Философ Мишель Фуко в своих исследованиях 1960-х формулирует концепцию субъекта, повлиявшую в целом на все исследования в этой области. В книге «Археология знания» (1969) он «утверждает субъект как точку пересечения

различных исторически сложившихся дискурсов, и в результате субъект оказывается лишенным автономии и единства»¹. Исследуя влияние экономических, социальных и политических условий на структуру эпистем как совокупностей форм познания в определенную эпоху, теоретик отмечает:

...археология находит точку равновесия своего анализа в знании — то есть в той области, где субъект неизбежно занимает точно установленное и зависимое положение и где он никогда не может выступать обладателем².

Впоследствии Мишель Фуко трансформирует свою концепцию посредством анализа порядков дискурса, а также соотношения субъекта и властных диспозиций, влияющих на него:

Существует два смысла слова «субъект»: субъект, подчиненный другому через контроль и зависимость, и субъект, связанный с собственной идентичностью благодаря самосознанию или самопознанию. В обоих случаях это слово имеет в виду форму власти, которая поработывает и угнетает³.

В лекции «Порядок дискурса» (1970) Фуко отмечает, что дискурс структурируется посредством власти-знания («воли к знанию»), которая навязывает «познающему субъекту (и в каком-то смысле — до всякого опыта) определенную позицию, определенный взгляд и определенную функцию»⁴. Иными словами, сам субъект становится функцией дискурса⁵, совокупностью дискурсивных практик и властных диспозиций, воздействующих на него.

В русскоязычном контексте конца XX века наиболее остро эту проблему ставит концептуализм по отношению как к идеологическому в целом, так и к художественному дискурсу в частности. Об этом пишет Илья Кукулин, отмечаящий в концептуализме два ведущих направления, среди которых наиболее заметным было то, «которое реализовало себя через деконструкцию знаков советской и любой “большой” идеологии, деконструкцию речевых и визуальных клише и готовых форм обыденного сознания, критику традиционно понимаемых эстетичности и стильности, выворачивание наизнанку форм и традиций, связанных с эстетической и идеологической тоталитарностью»⁶. Ту же тенденцию отмечает Дмитрий Кузьмин:

Исходная посылка концептуализма состоит в том, что все имевшиеся художественные языки не просто исчерпаемы в принципе, а уже исчерпаны, так что впредь никакое индивидуальное высказывание невозможно. Далее концептуалистская

1 Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. С. 11.

2 Там же. С. 335.

3 Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. Ч. 3. М.: Практис, 2006. С. 168.

4 Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет / пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. С. 56.

5 Там же. С. 40–41.

6 Кукулин И. «Сумрачный лес» как предмет ажиотажного спроса, или Почему приставка «пост-» потеряла свое значение // Новое литературное обозрение. 2003. № 59 (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/sumrachnyj-les-kak-predmet-azhiotazhnogo-sprosa-ili-pochemu-pristavka-post-poteryala-svoe-znachenie.html>).

практика строится на демонстрации пустотности любого языка, на вытекающей из их уравнинного статуса всеобщей обратимости стиля (что угодно может обернуться чем угодно), наконец, на выходе в метапозицию, к проектному мышлению, когда качество текста вообще перестает играть роль (ясно же, что проект Дмитрия Александровича Пригова по написанию 24.000 стихотворений априори снимает вопрос о том, какие это будут стихотворения)⁷.

Иными словами, обнажая невозможность индивидуального художественного высказывания и идеологизированность форм сознания, концептуализм сделал для русскоязычного контекста то же самое, что Фуко для западного: открыл и обосновал дискурсивную обусловленность субъекта внутри идеологических порядков и диспозитивов власти.

2. Поиски выхода из дискурсивной обусловленности и автофикшн

Нельзя сказать, что Фуко не стремился найти точку, в которой возможен выход субъекта из обусловленности властными дискурсами и диспозициями. В поздних работах, исследующих этику заботы о себе, он стремится выявить практики свободы, однако даже эти практики оказываются обусловлены: «субъект складывается активно, через практики самости, <...> эти практики все-таки не являются тем, что изобретает сам индивид»⁸. Однако если в структуру дискурса заложены отношения власти, то в ней же возникают и способы сопротивления:

...в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как если бы не было возможности сопротивления — сопротивления насилием, бегства, коварства, стратегий, переворачивающих ситуацию — отношений власти не существовало бы вовсе. В общей форме я отказываюсь отвечать на вопрос, с которым ко мне иногда обращаются: «Но ведь если власть повсюду, то свободы не существует». Я отвечаю: если отношения власти пронизывают все социальное поле, то дело здесь в том, что свобода повсюду. <...> В этих случаях экономического, социального, институционального или полового господства проблема на самом деле заключается в том, чтобы узнать, где и как будет формироваться сопротивление⁹.

В эссе «Автор как жест» из книги «Профанации» (2005) Джорджо Агамбен радикализирует позицию сопротивления субъекта, выводя ее из дискурсивной обусловленности:

Если мы назовем жестом то, что остается невыраженным в любом акте выражения, то можно было бы сказать в таком случае, что, точно как бесславный, автор представлен в тексте единственно неким жестом, делающим возможной экспрессию в той же мере, в какой назначает на ее место пустой промежуток. <...> И как автор должен остаться невыраженным в произведении и, тем не менее, именно таким образом он подтверждает собственное неустранимое присутствие, так и

7 Кузьмин Д. Постконцептуализм. Как бы наброски к монографии // Новое литературное обозрение. 2001. № 50 (URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/>).

8 Фуко М. Интеллектуалы и власть... С. 256.

9 Там же. С. 257–258.

субъективность показывается и сопротивляется с большей силой в момент, когда диспозитивы захватывают ее и ставят на карту. Субъективность производится там, где живое, встречая язык и превращаясь в игру в нем без остатка, предъявляет в некотором жесте собственную к нему несводимость¹⁰.

Именно такую субъективность, в которой субъект активно сопротивляется диспозитивам и разыгрывает свою жизнь и опыт вопреки дискурсивной обусловленности, по моему мнению, и производит автофикшн. В 1940–1960-е годы поэты и писатели разных стран начинают открыто репрезентировать и одновременно подрывать идентичность авторского «я» с помощью металептических стратегий¹¹. Металепсис как нарративная фигура, размывающая границы между художественным миром текста и реальным миром автора¹², трансформирует поэтику автобиографического высказывания, заложенную еще в эпоху романтизма. Исследователи считают, что «если романтическая автобиография часто характеризуется как “авто-генезис”, где “я” фикционализируется/воображается в художественном процессе, то автофикшн создает фантазматическое “я”, которое становится неотличимым от автора, но парадоксальным образом независимым от него»¹³.

В поэзии середины XX века можно назвать следующие примеры становления такой субъективности: «исповедальная поэзия» Роберта Лоуэлла и Сильвии Платт, «Автобиография» Назыма Хикмета¹⁴, а также «Последние стихи» Елены Ширман¹⁵. В тексте Ширман обнаруживаются черты поэтики постконцептуализма 1990–2000-х («новой искренности» и «прямого высказывания»), о чем Данила Давыдов пишет следующее:

...сказанное Кузьминым о стихах Кирилла Медведева* с полным правом можно отнести к «Последним стихам» Ширман: «взамен разорванности, фрагментарности или монтажности текста... возникает повышенная связность, повторы и нагнетания вплоть до кружения на месте, затянутость... текста и избыточная акцентированность каждой мысли...» <...> Я не готов ответить: есть ли «Последние стихи» случайный артефакт или же это одно из тех явлений истории поэзии, которое тогда могло быть воспринято как периферийное, но было актуализировано постконцептуализмом. Интуиция подсказывает, что все-таки скорее второе¹⁶.

Постконцептуализм 1990–2000-х я считаю одной из первых широко распространенных автофикциональных тенденций в русскоязычном письме, так как, во-первых, он настаивает на особой форме авторской субъективации — прямом

10 Агамбен Дж. Профанации / пер. с ит. К. Токмачева; под ред. Б. Скуратова. М.: Гилея, 2014. С. 70, 77.

11 Bode F. Autobiographical/Autofictional Poetry // Handbook of Autobiography/Autofiction / Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Boston; Berlin: De Gruyter, 2019. P. 480.

12 Зусева-Озкан В.Б. Металепсис // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / Под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 261.

13 Bode F. Op. cit. P. 481.

14 Ibid. P. 480–481.

15 Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется» (О «Последних стихах» Елены Ширман) // Новое литературное обозрение. 2002. № 55 (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/ya-to-chto-est-i-ya-govoryu-chto-mne-hochetsya.html>).

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

16 Там же.

высказывании¹⁷ и, во-вторых, в том или ином случае развивает поэтику «исповедальной поэзии», прямо или косвенно наследуя ей. Кроме того, восприняв от концептуализма проблему дискурсивной обусловленности, постконцептуализм стремится преодолеть ее исходя из ее же оснований: «Я знаю, что индивидуальное высказывание исчерпано, и поэтому мое высказывание не является индивидуальным, но я хочу знать, как мне его реиндивидуализировать!»¹⁸

Таким образом, имплицитная или эксплицитная попытка преодоления постмодернистского кризиса субъекта заложена в автофикциональном высказывании. Об этом также пишет и Элисон Гиббонс, которая считает, что современный автофикшн сосредотачивает в себе аффективный поворот, то есть «постмодернистское ощущение субъективности (как фрагментированной, социально сконструированной и текстуально вымышленной) сохраняется, но при этом сопровождается вновь возникшим стремлением признать личные чувства и межличностные связи»¹⁹.

Исходя из всего вышеописанного встает вопрос: *Каким образом возникает преодоление дискурсивной обусловленности в автофикшне?* Ответить на него мы и попробуем посредством анализа русскоязычной автофикциональной поэзии и прозы 2000–2020-х годов.

3. Постконцептуализм, прямое высказывание и авторский жест

В концепции субъективации Агамбена ведущую роль занимает «этическая жизнь», которая не просто высокоморальна, но «согласна поставить на карту свои жесты без возврата и без остатка <...> даже с риском, что ее счастье и ее беда будут предрешены раз и навсегда»²⁰. В связи с этим поиск автора, не обусловленного властными диспозициями, также возникает в координатах этой «этической жизни»:

Автор обозначает место, где в произведении разыграна некая жизнь. Разыграна, но не выражена; разыграна, но не услышана. <...> И он есть то нечитаемое, которое дает возможность чтения, та легендарная пустота от которой производны письмо и дискурс. Жест автора подтверждается в произведении, которому, как никак, он дает жизнь, словно некое присутствие, неуместное и чуждое, так же как, согласно теоретикам комедии дель арте, отсебятина Арлекина без конца прерывает разворачивающееся на сцене действие, упрямо разрушая сюжет²¹.

«Разыгрывание жизни» в терминах Агамбена отличается от актерской игры и дискурсивных масок, это скорее жест срывания этих масок и выхода за рамки

17 См.: Кузьмин Д. Постконцептуализм; Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется»; Масалов А. Что такое прямое высказывание? // Артикуляция. 2020. № 11 (URL: <https://articulationproject.net/7206>).

18 Кузьмин Д. Указ. соч.

19 Гиббонс Э. Современный автофикшн и аффект метамодерна // Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс и Т. Вермюлена; пер. с англ. В.М. Липки. М.: Рипол-классик, 2020. С. 214–215.

20 Агамбен Дж. Указ. соч. С. 73.

21 Там же. С. 74.

диспозитивных сюжетов, когда «лицо, которое разыграло жизни, осталось умышленно в тени»²². В постконцептуализме 1990–2000-х таким жестом и становится прямое высказывание, которое в метатексте того времени Дмитрий Воденников связывает с эстетикой «самодоноса». Важно здесь, что это не поэтизация собственных пороков, а дневник и «тривиальное доносительство», в котором антиромантическая позиция сочетается с ощущением «личной искренности»:

Самодонос — здесь, конечно, понимается не как приступ дурной правдивости, в которой действительно нет ничего хорошего, и не как экстремизм тематики и лексики (этим уж точно теперь никого не удивишь). Возможно, речь здесь идет о сложном взаимоотношении с миром, когда пристрастное внимание к своей биографии заставляет автора становится героем одной темы (ну, м.б. двух), при этом подчиняя пишущего закону лирического цикла, размеры которого трудно вообразить. И дело тут не в модели поведения, и не в системе масок, а в убеждении, что люди действительно занимаются не поэзией, а своей жизнью²³.

И Агамбен, и Воденников, несмотря на различные основания, указывают на особое значение разыгрывания «жизни» в тексте. Примером такого разыгрывания через «самодонос» становится поэзия Кирилла Медведева* из книги «Все плохо» (2000), в которой письмо о себе часто сопряжено с аффектами стыда или неуверенности в своем высказывании:

я с ужасом понял
что никого не могу утешить;
есть люди которые могут утешить меня;
один-два человека
не имеющие отношения к литературе;
а я не могу никого утешить
еще я почему-то не умею
описывать физическую боль
как именно болит у тебя голова
спрашивает мама
опиши свою боль
говорит она
ты же
литератор
а я не могу
описать собственную физическую боль
и значит тем более не могу описать
чужую боль и не могу
никого утешить
об этом еще георгий иванов писал
что литераторы больше не могут никого утешить
я думаю может быть они могут
что-то другое
(вполне возможно)

²² Там же. С. 71.

²³ Воденников Д. Единственное эссе // Друзья и знакомые кролика. 2002 (URL: <https://frkr.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/DimaV3.html>).

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

я правда не знаю что именно
но только не это;
почему-то литература ушла сейчас так далеко от читателя;
ему ведь все еще нужно чтоб описывали его страдания;
ему нужно
чтоб его пугали или смешили
а иногда
утешали
а литература предала читателя
а может и наоборот — читатель предал литературу —
он обменял ее на вульгарные развлечения
дешевые приключения
переключения
политика мистика
психология
компьютер
кинематограф
пляски святого Вита
дикие судороги обреченных
на краю преисподней огненной
геенны кипящей
и я думаю
что взаимное предательство произошло²⁴

Переплетение металитературной рефлексии и мотива взаимного предательства дается в этом тексте через жест умаления литературы и субъекта, а также обилие отрицательных конструкций («а я не могу / описать собственную физическую боль / <...> и не могу / никого утешить»), реализующих эстетику «самодоноса», которая и создает модус искренности и правдивости. Самоумаление и «апофатичность высказывания о мире и о себе — попытка преодоления антиномии между предъявленной концептуализмом невозможностью личностного высказывания и ощущаемым авторами императивом такого высказывания: антиномии, лежащей в основе постконцептуализма»²⁵, — пишет Дмитрий Кузьмин.

Таким образом, прямое высказывание 1990–2000-х, построенное на «самодоносе», проблематизировало возможность неотчужденной художественной речи и необусловленной дискурсом субъектности: «социальное или языковое в стихотворениях <...> почти всегда интерпретировалось как интимное, индивидуальное и — что еще важнее — скорее как процесс, чем как результат»²⁶. Та же ситуация, но менее выражено, наблюдается и в прозе этого периода:

Этот новый автобиографизм важен — в частности потому, что он возник сразу в нескольких, существующих ныне, русских литературах. <...> Следующее поколение, сформировавшееся в конце 80-х — в 90-е, создало новую автобиографическую

24 *Медведев К.** Все плохо. М.: Клуб «Проект ОГИ», 2000 (URL: <https://www.vavilon.ru/texts/medvedev1.html>).

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

25 *Кузьмин Д.* Указ. соч.

26 *Кукулин И.* «Создать человека, пока ты не человек...». Заметки о русской поэзии 2000-х // Новый мир. 2010. № 1 (URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html).

прозу. Ее внешние черты — существование в иррационально меняющемся («клиповом», реально-сновидческом, многоуровнево воспринятом) или непостижимом мире, в котором важнее не столько автобиографизм, сколько особого рода субъективность; автобиографизм становится только одним из приемов или путей обнаружения этой новой субъективности (что ретроспективно позволяет осмыслить некоторые предшествующие явления литературы — такие, как «Дневник неудачника» Лимонова). <...> Автобиографизм в прозе поколения 90-х — это производное от новой субъективности. Автобиографизм в данном случае — не тема, а метод, один из методов. В некотором смысле можно уравнивать крайне откровенную автобиографическую прозу Максима Скворцова, *fiction*-прозу А. Нуне — ее роман «После запятой» вошел в шорт-лист премии Андрея Белого 2001 года — и поэтическую «интенсивную прозу» Ирины Шостаковской и Ольги Зондберг. <...> Первоочередной задачей такой прозы является «максимальное присутствие» — но присутствие даже не авторского «я», а изменчивого и внутренне единого авторского существования в его (то есть существования) диалоге (полилоге) с миром²⁷.

Именно эти способы говорения («самодонос» в поэзии, «новый автобиографизм» в прозе) закладывают основания для выработки тех художественных языков, которые впоследствии назовут русскоязычным автофикшном.

4. Автофикшн за 6 лет до автофикшна

В 2021 году выходит роман Оксаны Васякиной «Рана»²⁸, который можно считать первым русскоязычным текстом, что начинают активно именовать «автофикшном»²⁹. Однако подобную поэтику, напрямую связанную с прямым высказыванием 1990–2000-х годов, Васякина развивает и в своих стихах 2010-х годов. Так, за 6 лет до романа «Рана», в сопроводительном письме номинатора на премию Аркадия Драгомощенко-2015 Данила Давыдов пишет о ее поэзии следующее:

Эти тексты представляют собой странную, неожиданную вариацию диалога поколений, если возможно применить это затертое понятие. Реакция на постконцептуализм, который уже, кажется, стал легендарным, и даже скорее на пресловутую «новую искренность» — реакция не подражательная, но именно диалогическая <...> Перед нами лирическое высказывание, продвигающееся сквозь роли — гендерные, социальные, да и собственно стилистические, — и тем самым становящееся «присвоенным заново». <...> Наконец, нельзя не сказать о стиле Васякиной, в котором «прямое высказывание» (еще одна утопия не столь давних времен) внезапно переходит в богатейший метафорический язык тела и даже до телесного; «женская проза» одновременно оказывается и иронической отсылкой к пустотному и затертому понятию (понятно, что и не «проза», и не вполне «женская»), и образом самой двойственной стратегии автора³⁰.

27 Кукулин И. Про мое прошлое и настоящее // Знамя. 2002. № 10 (URL: <https://znam-lit.ru/publication.php?id=1851>).

28 См.: Васякина О. Рана. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

29 См.: Бояркина П. Оксана Васякина: «Мы даже не представляем, что за бомба у нас в руках» // Прочтение. 2021. 9 марта (<https://prochtenie.org/texts/30508>).

30 Давыдов Д. Сопроводительное письмо номинатора // Оксана Васякина (Москва). Премия Аркадия Драгомощенко. 2016. 14 нояб. (URL: <https://web.archive.org/web/20191015000000/https://atd-premia.ru/2016/11/14/oksana-vasyakina-2015/>).

Развивая прямое высказывание постконцептуализма 1990–2000-х годов, Васякина уходит от «самодоноса» к поиску способов проговаривания травматического опыта:

После папиных похорон
Я стряпала блины,
А еще смотрела телевизор,
И там шла передача «давай поженимся».
Когда я посыпала последний блин
Сахаром и положила кусочек сливочного масла,
Я села на стульчик рядом с телеком и начала гадать, кого
выберет жених —
Танцовщицу, разводчицу цветов или менеджера смены в
ресторане ускоренного питания.
Мне больше нечего было делать —
Я вымыла полы и вытерла пыль, выстирала черное платье и
платок.

Единственное, что мне оставалось, — это сидеть и гадать,
кого же он выберет:
Крашеную блондинку — козерога, русую — деву или
штенку — стрелца.

Жених проник в комнату танцовщицы, поцеловал ее в губы
И сказал ей: давай поженимся.
<...>

А еще я вспомнила, что сегодня я похоронила папу,
И только эта передача заставила меня забыть об этом.

Кто все эти люди,
Которые смотрят центральное телевидение,
И в каком они пребывают отчаянии³¹.

В этом тексте, несмотря на подробное описание личного опыта, реальная боль скрывается за репрезентацией, остается по большей части «невыраженной» (в терминах Агамбена). Поэтика памяти в этом стихотворении изобилует образами вытеснения, в которых телевидение и патриархальная телепередача «Давай поженимся» осмысливаются в контексте личной утраты и коллективного отчаяния. Проговаривая травму, субъект создает не столько возможность репрезентации травматического прошлого, сколько жест субъективации через реальную боль, неподдающуюся абсолютному выражению. Именно эта боль становится той «пустотой», о которой пишет Агамбен и в которой читатель:ница засвидетельствует смыслы читаемого текста.

31 Васякина О. Женская проза: Первая книга стихов. М.: АРГО-РИСК, 2016. С. 12–13.

5. Травма как жест

Легитимация поэзии Оксаны Васякиной после вручения ей премии «Лицей» в 2019 году приводит к многочисленным дискуссиям о поэтике травмы. Так, Юлия Подлубнова отмечает, что «у публичного травмоговoreния, помимо психотерапевтической функции, есть функция социальная, очистительная: насилие и проявления ксенофобии обозначаются и получают оценки, к ним привлекается внимание, их пытаются исключить из общественной и частной жизни, иногда это даже удается»³². В другой работе исследовательницы можно увидеть специфику контрпостмодернистской субъективации в такого рода письме:

В конце концов, травма — это ответ постмодерну, деконструирующему при желании любую идентичность и любую утопию, ускользающему от предзаданностей и освобождающему от идеологий. Попробуйте деконструировать реальную боль, даже если она реальна только для того, кто ее ощущает³³.

В каком-то смысле из этих дискуссий вырастают два ключевых текста конца 2010-х — начала 2020-х годов: «Моя вагина» Галины Рымбу и «Рана» Оксаны Васякиной, которые делают феминистскую литературу (в том числе о травме) предметом обсуждения не только в литературных кругах, но и в широких общественных³⁴. В самом стихотворении «Моя вагина» заглавный образ является точкой сборки нарратива о рождении сына, о любви, о травматическом опыте, о телесности и свободе, которую отбирает государство биополитикой и уголовными делами:

17 мая 2013 года под музыку группы «Смысловые галлюцинации»
из моей вагины вышел сын,
а затем — плацента, которую акушерка держала, как мясник —
взвешивая на ладони. Доктор положил мне сына на грудь
(тогда я еще не знала имени сына)
и сказал: ваш сын. И сын тут же описал мне грудь и живот,
а мир стал моей вагиной, сыном, его горячей струйкой,
его мокрой теплой головой, моим пустым
животом.

Потом мою вагину зашили,
она изменила форму. Стала узкой и стянутой,
вагина-тюрьма, вагина-рана. На мне тогда были
белые компрессионные чулки — все в крови,
дешевое красное платье-халат, купленное в китайском павильоне, а на нем —
две женщины, держащие кроны деревьев,
и звери, держащие женщин.

32 Подлубнова Ю. Триумф травмы // Артикуляция. 2019. № 6 (URL: <https://articulation-project.net/2781>).

33 Подлубнова Ю. Три письма Даниле Давыдову о поэзии, политике и травме // Цирк «Олимп»+TV. 2019. № 32 (65) (URL: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/873/tri-pisma-danile-davydovu-o-poezii-politike-i-travme>).

34 См.: Оборин Л. Социальное равенство — это война: ссылки недели. Самое обсуждаемое в книжном интернете // Горький. 2020. 12 июля (URL: <https://gorky.media/context/sotsialnoe-ravenstvo-eto-vojna-sсылki-nedeli/>); Масалов А. Что такое прямое высказы-

Без трусов, без поддержки, с запутанными волосами
я шла после операции по солнечному коридору роддома
забирать сына. Я взяла его и подумала:
его пальцы похожи на маленьких мармеладных червячков.

*

Теперь моя вагина — это норка
для твоего коричневого зверька с большой красной головкой.
куда он иногда проскальзывает, чтобы набраться сил. Это ямка
для твоего нежного языка, для твоих тонких крепких пальцев, похожих
на письменные принадлежности из прошлого века³⁵.

Травма и сопутствующие ей аффекты страха, стыда, боли в текстах Рымбу, Васякиной и других становятся жестом, «с помощью которого автор и читатель помещаются в действие в тексте и в то же самое время бесконечно оттуда удаляются»³⁶. Так и сама Оксана Васякина формулирует подобную проблематику следующим образом:

Письмо о своем теле, быте, мыслях и чувствах вызывает тревогу и стыд. Мне стыдно, что я пишу эту книгу <...> Для меня письмо всегда было способом раскрыть опыт тела, придать телу и опыту значимость и видимость. Каждый раз, занимаясь письмом, я делала это урывками, как что-то необязательное, пошлое и бессмысленное³⁷.

При этом диалектика присутствия и отсутствия «нев्यраженного жеста» и создает контрдискурсивную субъективацию автофикшна:

Для определенности некое чувство, некая мысль требуют субъекта, который их мыслит и испытывает. Чтобы они сделались присутствующими, нужно, следовательно, чтобы некто взял в руки книгу, отважился читать. Но это может означать лишь то, что этот индивид займет в поэме именно то пустое место, которое оставил там автор, и повторит тот же самый невыраженный жест, посредством которого автор засвидетельствовал свое отсутствие в произведении. <...> Субъект — как автор, как жизнь бесславного человека — не есть нечто, что может быть достигнуто напрямую, словно некая субстанциальная действительность, присутствующая где-то; наоборот, он есть то, что вытекает из встречи и схватки с диспозитивами, в рамках которых он был помещен — поместил себя сам — в разыгрываемое действие³⁸.

Таким образом, жест авторской субъективации происходит посредством репрезентации травматического опыта, диалектики присутствия и отсутствия в этом опыте. Аффекты стыда и боли уже невозможно свести к какому-либо дискурсу или диспозитиву, даже если реакция на них может быть культурно и исторически обусловлена, то их сущность остается невыраженной в акте выражения, создавая «место встречи» авторского и читательского опытов.

вание?; *Сунгатов Н.* Подрыв идеологии // Театр. 2021. № 44 (URL: <https://oteatre.info/podryv-ideologii/>).

35 *Рымбу Г.* Моя вагина // Шоиздат. 2020. 2 сент. (URL: <https://shoizdat.com/galina-rymbu-moya-vagina/>).

36 *Агамбен Дж.* Указ. соч. С. 76.

37 *Васякина О.* Рана... С. 206.

38 *Агамбен Дж.* Указ. соч. С. 75, 77.

6. Автофикшн и/или письмо угнетенных

Слова Юлии Поддубновой о социальной функции проговаривания травмы можно связать с идеей Агамбена о ведущей роли сопротивления в структурировании субъекта. Из этого следует, что авторский жест в автофикшне реализуется в том числе посредством фиксации определенных социально-политических проблем: гендерной и сексуальной идентичности в романе Васякиной «Рана»³⁹, региональной — в романе Ильи Мамаева-Найлза «Год порно»⁴⁰ и т.п. Все это формирует практику репрезентации опыта угнетенных, с чем часто связывают автофикциональное письмо и что часто рефлексруется самими авторами:

Когда меня спрашивают, зачем я пишу, я отвечаю, что письмо для меня — это безопасный способ почувствовать себя живой. Когда карандаш касается бумаги, а на экране появляется слово, я чувствую, что существую⁴¹.

Говоря о проблемах репрезентации подобного опыта в контексте колониального угнетения, Гаятри Чакраворти Спивак в эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (1988) критикует постмодернистскую концепцию субъекта, представленную в диалоге «Интеллектуалы и власть: беседа Мишеля Фуко и Жилия Делёза» (1972). Если философы считают, что «угнетенные, при предоставлении соответствующей возможности (проблема репрезентации не может быть здесь обойдена) и на пути к солидарности через политические союзы (здесь задействуется марксистская тематика), *могут говорить и знать о своих условиях существования*»⁴², то для исследовательницы важно отметить, что «субалтерны не представлены в гегемонически установленном порядке — в частности в колониальном — у них нет голоса. Угнетатели (и это важный пункт, который она формулирует, ссылаясь при этом на Маркса) говорят не только *об* угнетенных, *но* и *за* них»⁴³. Этот вариант эссе более пессимистичен, впоследствии «в вошедшем в “Критику постколониального разума” втором варианте эссе (1999) Спивак все-таки приходит к выводу, что угнетенные, субалтерны, могут говорить, но для этого, естественно, необходимы определенные условия, для этого сами субалтерны должны начать действовать»⁴⁴.

Примером того, как сочетается эта невозможность говорить с необходимостью, как возникает «невыраженный жест», является недавний роман Еганы Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма» (2023):

Руки женщины не должны пустовать и не должны писать — это первое правило, которое девушка узнает, еще не вступив в брак. <...> Рукам позволялось танцевать на свадьбах, совершать мягкие, плавные движения, похожие на морские волны, взамен на купюры, которые в них вкладывали⁴⁵.

39 Васякина О. Рана...

40 Мамаев-Найлз И. Год порно. СПб.: Polyandria NoAge, 2023.

41 Васякина О. Роза. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 41.

42 Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? / Пер. А. Горных // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2001. С. 661.

43 Морозов В. Subaltern Studies // syg.ma. 2021. 25 февраля.

44 Там же.

45 Джаббарова Е. Руки женщин моей семьи были не для письма. М.: No Kidding Press, 2023. С. 61.

В приведенной цитате авторка рефлексии невозможность репрезентации опыта угнетения женщинами ее азербайджанской семьи, что усиливает жест субъективации в ее романе, когда письмо ставится «на карту» собственного диагноза (генерализованной мышечной дистонии):

Писать было сложнее, а потому интереснее, писать означало разрывать кожу, вырывать куски собственного тела без всякого обезболивающего, чтобы населить ими чужое воображение...⁴⁶

Деколониальная исследовательница Мадина Тлостанова в послесловии отмечает, что книга Джаббаровой написана «вопреки гетеропатриархатной культуре, которая запрещает женщине писать, иметь голос, свое мнение, возражать, вопреки болезни, которая так предательски проделала все это с героиней еще раз, отобрав способность говорить, дышать, существовать, но главное, вопреки яду нелюбви, который испускают окружающие, отравленные этим ядом сами и распространяющие его дальше, включая и женщин, зараженных мизогинией и строго хранящих “правила, когда-то придуманные для них”»⁴⁷. Тем самым и производится «невывраженный жест» субъективации, голос угнетенного субъекта, который репрезентирует свой опыт вопреки дискурсивным обусловленностям и властным диспозитивам не только в этом тексте, но и в автофикшне в целом.

7. Что такое прямое высказывание? Версия 2.0

В 2020 году я написал статью «Что такое прямое высказывание?», где рассматривал формы субъектности, которые сейчас можно назвать автофикциональными, через соотношение эстетического и риторического⁴⁸. Сейчас хотелось бы отказаться от этой бинарной оппозиции и рассмотреть автофикциональность как особую модальность высказывания, следуя в этом за идеями Карины Разухиной⁴⁹. В своих работах исследовательница апеллирует и к понятию «прямого высказывания»⁵⁰, что вызывает желание попробовать объединить два понятия двух десятилетий (2000-х и 2020-х).

Прямое высказывание — это жест субъективации в автофикциональном произведении искусства. «Я» лирическое и «Я» рассказчи:цы неотличимо от авторского/биографического «Я», но при этом сам:а автор:ка неизбежно отсутствует в тексте, создавая «пустоту», в которой читатель:ница, словами Агамбена, «не может ничего, кроме как вновь выполнить то же свидетельство, не может ничего, кроме как сделаться, в свою очередь, гарантом своей неустанной

46 Там же. С. 76.

47 Там же. С. 123.

48 Масалов А. Что такое прямое высказывание?

49 См.: Разухина К.Э. От «автофикшна» к автофикциональности: теоретические аспекты // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2024. № 1. С. 122–137.

50 «Словесный код “прямого высказывания” в текстах авторки сливается с возможными объектами не-остранения, как бы фамильяризуя их заново для возможного читателя» (Разухина К.Э. Особенности не-остранения в романе О. Васякиной «Степь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 15).

игры в собственное отсутствие»⁵¹. Иными словами, тенденция, при «которой авторское Я стремится к полному отождествлению с лирическим Я»⁵² имеется, но осуществиться она не может (буква не равна человеку), эта невозможность помимо формы и проблематики создает эстетическое напряжение при чтении таких текстов, отрицать художественность которых было бы чересчур.

Отсюда эстетическое значение разнообразия автофикшна на русском языке, как кажется, заключается в трех аспектах:

1) Жесте субъективации, открывающем возможность репрезентации миноритарного опыта и попытки выхода из дискурсивных обусловленностей и властных диспозиций.

2) Проекция этого опыта в читательских практиках, часто обусловленных эмоциональным прочтением.

3) Художественном напряжении этой диалектики присутствия и отсутствия, реальности и фантазма, памяти и ее репрезентации, авторского жеста и читательского свидетельства.

Разумеется, не стоит идеализировать автофикшн в России середины 2020-х годов, когда он все более коммерциализируется в условиях современного книжного рынка, встречается с критикой своей формы и терапевтического общества, которое, по мнению ряда исследовательниц, репрезентирует. Вопрос, насколько удачной является попытка выбраться из дискурсивной обусловленности субъекта посредством автофикциональных практик, остается открытым и дискуссионным. Как и вопрос о том, не создаст ли автофикшн дискурс, вполне интегрированный в неолиберальные и авторитарные формы капитализма. Однако не стоит умалять значение автофикционального письма как письма поискового, даже если нельзя найти исцеление⁵³ и полное освобождение невозможно, то его попытка выбраться из тотального контроля дискурсивных практик и властных диспозиций — это не единственный, но все еще идущий поиск решения ключевых проблем субъекта XXI века.

Библиография / References

Агамбен Дж. Профанации / Пер. с ит. К. Токмачева; под ред. Б. Скуратова. М.: Гилея, 2014.

(Agamben G. Profanazioni. Moscow, 2014. — In Russ.)

Васякина О., Максимова Е.С. «Я против иллюзии, что книгой можно вылечиться» // Практики и интерпретации: журнал фи-

лологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 7–16.

(Vasyakina O., Maksimova E.S. «Ya protiv illyuzii, chto knigoy mozhno vylechit'sya» // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy. 2022. Vol. 7. № 1. P. 7–16.)

51 Агамбен Дж. Указ. соч. С. 76.

52 Масалов А. Что такое прямое высказывание?

53 См.: Васякина О., Максимова Е.С. «Я против иллюзии, что книгой можно вылечиться» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 7–16.

- Гиббонс Э. Современный автофикшен и эффект метамодерна // *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма* / Под ред. Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс, Т. Вермюлена; пер. с англ. В.М. Линки. М.: Рипол-классик, 2020. С. 196–215.
- (Gibbons A. Contemporary autofiction and meta-modern affect // *Metamodernism: Historicity, affect, and depth after postmodernism* / Ed. by R. van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. Moscow, 2020. P. 196–215. — In Russ.)
- Давыдов Д. «Я то, что есть, и я говорю, что мне хочется» (О «Последних стихах» Елены Ширман) // *Новое литературное обозрение*. 2002. № 55 (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/ya-to-chto-est-i-ya-govoryu-chto-mne-hochetsya.html>).
- (Davydov D. «Ya to, chto est', i ya govoryu, chto mne khochetsya» (O «Poslednikh stikhakh» Eleny Shirman) // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 55 (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/3/ya-to-chto-est-i-ya-govoryu-chto-mne-hochetsya.html>).)
- Зусева-Озкан В.Б. Металепсис // *Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): Экспериментальный словарь* / Под ред. В.И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 261–267.
- (Zuseva-Ozkan V.B. Metalepsis // *Tezaurus istoricheskoy narratologii (na materiale russkoy literatury): eksperimental'nyy slovar'*. Moscow, 2022. P. 261–267.)
- Кузьмин Д. Постконцептуализм. Как бы наброски к монографии // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 50 (URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/>).
- (Kuz'min D. Postkontseptualizm. Kak by nabroski k monografii // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2001. № 50 (URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/>).)
- Кукулин И. «Сумрачный лес» как предмет ажиотажного спроса, или Почему приставка «post-» потеряла свое значение // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 59 (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/sumrachnyj-les-kak-predmet-azhiotazhnogo-sprosa-ili-pochemu-pristavka-post-poteryala-svoe-znachenie.html>).
- (Kukulin I. «Sumrachnyy les» kak predmet azhiotazhnogo sprosa, ili Pochemu pristavka «post-» poteryala svoe znachenie // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. № 59 (URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/1/sumrachnyj-les-kak-predmet-azhiotazhnogo-sprosa-ili-pochemu-pristavka-post-poteryala-svoe-znachenie.html>).)
- Кукулин И. «Создать человека, пока ты не человек...». Заметки о русской поэзии 2000-х // *Новый мир*. 2010. № 1 (URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html).
- (Kukulin I. «Sozdat' cheloveka, poka ty ne chelovek...». Zametki o russkoy poezii 2000-kh // *Novyy mir*. 2010. № 1 (URL: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2010/1/sozdat-cheloveka-poka-ty-ne-chelovek.html).)
- Разухина К.Э. Особенности не-остранения в романе О. Васякиной «Степь» // *Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 2. С. 13–21.
- (Razukhina K.E. Osobennosti ne-ostraneniya v romane O. Vasyakinoi «Step'» // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2023. Vol. 2. P. 13–21.)
- Разухина К.Э. От «автофикшна» к автофикциональности: теоретические аспекты // *Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука*. 2024. № 1. С. 122–137.
- (Razukhina K.E. Ot «avtofikhshna» k avtofiktional'nosti: teoreticheskie aspekty // *Ural'skiy filologicheskii vestnik. Seriya: Draft: molodaya nauka*. 2024. № 1. P. 122–137.)
- Спивак Г.Ч. Могут ли угнетенные говорить? / Пер. А. Горных // *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия* / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков; СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2001. С. 649–670.
- (Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak? // *Vvedenie v gendervye issledovaniya*. Vol. 2. Kharkiv; Saint Petersburg, 2001. P. 649–670. — In Russ.)
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.
- (Foucault M. L'archéologie du savoir. Saint Petersburg, 2004. — In Russ.)
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет / Пер. с фр. С. Табачниковой. М.: Кастанья, 1996.
- (Foucault M. La Volonté de vérité. Moscow, 1996. — In Russ.)
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3.
- (Foucault M. Les intellectuelles et pouvoir. Moscow, 2006. — In Russ.)
- Bode F. *Autobiographical/Autofictional Poetry* // *Handbook of Autobiography/Autofiction* / Ed. by M. Wagner-Egelhaaf. Boston; Berlin: De Gruyter, 2019. P. 473–484.